ЗАНУЦКУ
УУМЪ ПАЪ

• 2018 •

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

TRANSACTIONS
OF THE INSTITUTE
FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE
No. 19

St. Petersburg
2018

ЗАПИСКИ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ
МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РАН

№ 19

Санкт-Петербург
2018

ББК 63.4

Записки Института истории материальной культуры РАН. СПб.: ИИМК РАН, 2018. № 19. 206 с.

ISSN 2310-6557

Transactions of the Institute for the History of Material Culture. St. Petersburg: IHMC RAS, 2018. No. 19. 206 p.

Редакционная коллегия: Е. Н. Носов (гл. редактор), В. А. Алёшкин, С. В. Белецкий, М. Ю. Вахтина, Ю. А. Виноградов, Л. Б. Вишняцкий, М. Т. Кашуба, Л. Б. Кирчо (заместитель гл. редактора), А. К. Очердной

Editorial board: E. N. Nosov (editor-in-chief), V. A. Alekshin, S. V. Beletsky, M. Yu. Vakhtina, Yu. A. Vinogradov, L. B. Vishnyatsky, M. T. Kashuba, L. B. Kircho (deputy editor), A. K. Otcherednoi

Издательская группа: Л. Б. Кирчо, В. Я. Стёганцева, Е. В. Новгородских

Publishing group: L. B. Kircho, V. Ya. Stegantseva, E. V. Novgorodskikh

В № 19 «Записок ИИМК РАН» представлены научные работы, отражающие новейшие открытия и исследования в области археологии и древней истории. Раздел «Статьи» открывает серия работ С. Н. Астахова, П. Е. Нехорошева и А. К. Каспарова по проблемам палеолита Сибири. Л. Б. Вишняцкий на материалах неолита западной части Евразии приводит аргументы в пользу гипотезы об учащении и ужесточении вооруженных конфликтов по мере становления и развития производящего хозяйства. В статье Л. Б. Кирчо прослежены истоки контактов Южного Туркменистана и Южного Таджикистана в эпоху бронзы. Д. Г. Савинов и В. В. Бобров публикуют эталонный памятник андроновской культуры. В еще одной статье Д. Г. Савинов сформулировал гипотезу образования скифо-сибирского культурного пространства. М. Т. Кашуба обосновывает конвергентное появление ранних фибул Кавказа. В обширной работе А. Лухтанаса и О. В. Полякова развенчивается гипотеза о миграциях западнобалтского племени галиндов в Западную Европу. В статье Е. Н. Носова и Н. В. Хвоцинской на широком историческом фоне прослежена судьба княжеского храма начала XI в. на Рюриковом городище под Новгородом. Изучению Старой Ладogi посвящены работы А. Н. Кирпичникова, В. А. Лапшина, Н. В. Григорьевой и П. А. Милыева. А. И. Сакса реконструирует историю застройки одного из участков Выборга на протяжении XV — начала XVIII вв. В разделе «Рецензии» проведен подробный разбор двухтомной публикации материалов уникального древнерусского некрополя X — начала XI в. на территории Пскова.

Издание адресовано археологам, культурологам, историкам, музеоведам, студентам исторических факультетов вузов.

The papers included in the 19th issue of the “Transactions of IHMC RAS” reflect recent discoveries and advances in archaeology and ancient history. The section of Research Papers opens with a series of works by S. N. Astakhov, P. E. Nehoroshev and A. K. Kasparov devoted to the problems of the Paleolithic of Siberia. L. B. Vishnyatsky uses the materials from the Neolithic of Western Eurasia to argue in favor of the hypothesis which links the increase in frequency and scale of armed conflicts with the formation and development of producing economy. The paper by L. B. Kircho traces the beginnings of contacts between South Turkmenistan and South Tajikistan in the Bronze Age. D. G. Savinov and V. V. Bobrov describe an important site of the Andronovo culture. In another paper, D. G. Savinov presents his hypothesis of the formation of the Scythian-Siberian cultural space. M. T. Kashuba makes the case for convergent appearance of the earliest fibulae in the Caucasus. The extensive paper by A. Luchtanass and O. V. Poljakov debunks the hypothesis that the West Baltic tribe of Galindans migrated to the west of Europe. E. N. Nosov and N. V. Khvoshchinskaya elucidate the history of the princely Church of Annunciation built in the early XI c. at Rurik Gorodishche near Novgorod. The works by A. N. Kirpichnikov, V. A. Lapshin, N. V. Grigorieva and P. A. Milyaev deal with the study of Staraya Ladoga. A. I. Saksa reconstructs the building history of a homestead in Vyborg during the XV — early XVIII c. The section of Reviews contains a detailed analysis of the two-volume publication of materials from the unique Old Russian necropolis of the X — early XI c. in the city of Pskov.

The volume is intended for archaeologists, culturologists, historians, museum workers, and students of historical faculties.

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

<i>С. Н. Астахов, П. Е. Нехорошев.</i> Новые находки палеолита в Туве	7
<i>С. Н. Астахов.</i> Шурфы-шахты для добычи каменного сырья в палеолите на Титовской Сопке	13
<i>А. К. Каспаров, П. Е. Нехорошев.</i> К вопросу о возрасте и типе верхнепалеолитических памятников Берёзовский разрез 1 и 2	20
<i>Л. Б. Вишняцкий.</i> Наконечники в костях. База данных для позднего каменного века западной Евразии	36
<i>Л. Б. Кирчо.</i> Путь на восток (контакты Южного Туркменистана и Южного Таджикистана в III тыс. до н. э.)	56
<i>Д. Г. Савинов, В. В. Бобров.</i> Эталонный памятник андроновской культуры в Кемеровской области	70
<i>М. Т. Каишуба.</i> Ранние фибулы Кавказа в работах Ю. Н. Воронова	80
<i>Д. Г. Савинов.</i> К теории образования скифо-сибирского культурного пространства	91
<i>И. Ю. Шауб.</i> О ритуальной функции веретена из погребения «царицы» в кургане Куль-Оба	103
<i>А. Лухтанас, О. В. Поляков.</i> Галинды на просторах Европы — археологическая, историческая, лингвистическая реальность или вымысел?	112
<i>Е. Н. Носов, Н. В. Хвоцинская.</i> Древний ров Рюрикова городища и судьба княжеского храма Благовещения 1103 г.	137
<i>А. Н. Кирпичников, В. А. Лапшин, Н. В. Григорьева.</i> Об одном типе построек раннесредневековой Ладogi	148
<i>В. А. Лапшин, П. А. Миляев.</i> Новые исследования на Варяжской улице в Старой Ладoge	157
<i>С. В. Белецкий.</i> Граффито из собора Юрьева монастыря близ Новгорода	165
<i>А. И. Сакса.</i> Выборг, строительная история межевого участка у дома 8 по ул. Выборгская	173

РЕЦЕНЗИИ

<i>Е. Н. Носов, Н. В. Хвоцинская.</i> Открытия погребальных памятников на территории г. Пскова (на пороге археологической сенсации)	191
---	-----

AD MEMORIA

<i>С. В. Красниенко.</i> Памяти Э. Б. Вадецкой (1936–2018)	202
Список сокращений	204

CONTENTS

RESEARCH PAPERS

<i>S. N. Astakhov, P. E. Nehoroshev.</i> New discoveries of Paleolithic sites in Tuva	7
<i>S. N. Astakhov.</i> Paleolithic stone quarry mines on Titovskaya Sopka	13
<i>A. K. Kasparov, P. E. Nehoroshev.</i> On the age and type of the Upper Paleolithic sites Berezovskiy razrez 1 and Berezovskiy razrez 2	20
<i>L. B. Vishnyatsky.</i> Projectiles in bones. A database for the Late Stone Age of Western Eurasia	36
<i>L. B. Kircho.</i> Road to the east (contacts between South Turkmenistan and South Tajikistan in the III millennium BC)	56
<i>D. G. Savinov, V. V. Bobrov.</i> Reference site of the Andronovo culture in the Kemerovo oblast	70
<i>M. T. Kashuba.</i> Early Caucasian fibulae in Yu. N. Voronov's works	80
<i>D. G. Savinov.</i> Towards the theory of formation of the Scythian-Siberian cultural space.....	91
<i>I. Yu. Schaub.</i> On the ritual function of the spindle from the “Queen” burial in the Kul-Oba barrow	103
<i>A. Luchtanas, O. V. Poljakov.</i> Galindans on the expanses of Europe — archaeological, historical, linguistic reality or fiction?	112
<i>E. N. Nosov, N. V. Khvoshchinskaya.</i> Ancient ditch of Ryurik Gorodishche and the destiny of the princely Church of Annunciation built in 1103	137
<i>A. N. Kirpichnikov, V. A. Lapshin, N. V. Grigorieva.</i> About one type of buildings in Early Medieval Ladoga	148
<i>V. A. Lapshin, P. A. Milyaev.</i> New research on Varyazhskaya street in Staraya Ladoga	157
<i>S. V. Beletsky.</i> Graffito from the Cathedral of the Yuriev monastery near Novgorod	165
<i>A. I. Saksa.</i> Vyborg: the construction history of a boundary area near building No. 8 on Vyborgskaya street	173

BOOK REVIEWS

<i>E. N. Nosov, N. V. Khvoshchinskaya.</i> Discoveries of burial sites on the territory of Pskov (on the threshold of an archaeological sensation)	191
--	-----

AD MEMORIA

<i>S. V. Krasnienko.</i> To the memory of E. B. Vadetskaya (1936–2018)	202
List on abbreviations	204

РЕЦЕНЗИИ

ОТКРЫТИЯ ПОГРЕБАЛЬНЫХ ПАМЯТНИКОВ НА ТЕРРИТОРИИ г. ПСКОВА (НА ПОРОГЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ СЕНСАЦИИ)

**Рец. на: Древнерусский некрополь Пскова X — начала XI века
(в 2 томах)**

Е. Н. НОСОВ, Н. В. ХВОЩИНСКАЯ

Том 1: Раннегородской некрополь древнего Пскова (по материалам раскопок Среднего города). СПб.: Нестор-История, 2012. ISBN 978-5-4469-0369-6. 300 с., ил.

Том 2: Камерные погребения древнего Пскова (по материалам археологических раскопок 2003–2009 гг. у Старовознесенского монастыря). СПб.: Нестор-История, 2016. ISBN 978-5-4469-0826-4. 624 с., ил.

DOI: 10.31600/2310-6557-2018-19-191-201

Заметным событием в археологии Древней Руси стало открытие, раскопки и издание материалов псковских некрополей X — начала XI в. Это двухтомный фундаментальный труд большого коллектива авторов с подробным, разносторонним анализом погребального обряда и инвентаря, а также с детальной публикацией отчетных материалов и общих наблюдений о характере и топографической приуроченности раннесредневековых захоронений в Пскове.

С начала своего появления к середине XIX в. древнерусская археология формировалась на материалах раскопок погребальных памятников сельского населения — тысячах разнообразных курганов, разбросанных по территории Восточной Европы. Широко привлекались богатые денежно-вещевые клады, всегда вызывавшие интерес широких слоев населения, членов историко-краеведческих обществ, административных властей. Только в нескольких случаях исследователи могли судить о материальной культуре и погребальном обряде по могильникам самих жителей городских центров, сохранившимся лишь благодаря их особому расположению за стенами укреплений (Гнёздово, как кладбище древнего Смоленска, Чернигов), или по случайно встретившимся захоронениям, не получившим полноценной документации. Такова картина в отношении уникальных находок в Киеве.

В большинстве же случаев при раскопках городов, широко начавшихся с конца 1930-х гг., погребений горожан вообще не находили. Характерный пример Новгород — центр Северной Руси. Близ него открыты пригородные могильники — Нередицкий, Деревяницкий и несколько разрозненных захоронений

(Алексеевская слобода, Прость). Можно предполагать, что начиная с XII в. кладбища в городе располагались при церквях и ранние захоронения скрыты пластами более поздних, но где же были сотни могил языческого периода жизни города начиная по крайней мере с рубежа IX и X вв., не ясно, но они же были? Несколько сопок, находившихся близ Новгорода и фактически оставшихся неизученными, не способствуют прояснению общей картины (Волотово, Ушеско, Родионово, Хутын, Деревяницы, Воцкое).

В настоящее время во многих древнерусских городах ведутся масштабные археологические раскопки, предваряющие современное строительство, но, к сожалению, материалов о древних городских кладбищах почти нет. На этом общем фоне в Пскове случилась поистине сенсация. В начале 1970-х гг. под мощными слоями городских отложений был открыт городской некрополь, а в начале 2000-х гг. была исследована еще одна группа уникальных камерных захоронений древнего населения, несомненно входившего в число горожан, но выделявшаяся своим статусом. Оба памятника находились в черте современного города. В ходе работ материалы по отдельным погребениям публиковались, но, разбросанные по разным изданиям, они не давали целостной картины и представления об особенностях некрополей средневекового Пскова.

Первый том издания посвящен материалам некрополя, раскапывавшегося с 1974 г. по 1998 г. на территории Среднего города. Захоронения были выявлены на двух участках площадью 9268 и 1225 м² под культурным слоем мощностью от 0,8 м до 6,1 м в слое песка. Для их обнаружения была отработана определенная методика. Инженерно-геологические изыскания и результаты гидрогеологической съемки показали, что некрополь располагался на возвышенности между Псковой и Великой. Всего исследовано 80 захоронений, из которых 71 было совершено по обряду кремации и 9 — по обряду ингумации. Во введении представлен обзор литературы и история изучения некрополя.

В условиях интенсивной жизни города площадь могильника начала застраиваться уже в середине — второй половине XI в. (Т. 1: 47). Многие детали при нивелировке насыпей бесследно исчезли, а значительная часть погребений была сильно потревожена. Однако то, что удалось раскопать и зафиксировать, имеет большое научное значение для характеристики раннегородских кладбищ.

Судя по характеру погребального инвентаря и керамике, представленной лепными и раннегончарными сосудами, могильник в целом можно датировать X — началом XI в. Все захоронения находились под курганными насыпями, от части которых сохранились полы, ровики с перемычками и погребенная почва на площадке (Т. 1: 46). В некоторых случаях были выявлены каменные обкладки, и один раз — деревянная оградка. Насыпи имели преимущественно круглую форму, но иногда встречались овалы курганы. Для проведения общей систематизации и единообразия в описании материала Н. Н. Малышевой был разработан список признаков, характерных для рассматриваемого могильника, — отдельно для кремаций и ингумаций (Т. 1: 47–50).

подавляющая часть захоронений была совершена по обряду кремации (71) из них 37 — на стороне и 10 — на месте, в остальных случаях сохранность погребений не позволяет сделать однозначные выводы о способе помещения костей. Поражает многообразие способов помещения кальцинированных костей в насыпь

(Т. 1: 58–70). Все это напоминает могильники культуры длинных курганов, в которых представлены практически все виды захоронений, выявленных в данном псковском могильнике, пожалуй, кроме трупосожжений, произведенных на месте. Этот тип обряда не был столь распространен в эпоху культуры длинных курганов. В остальном характер погребального обряда имеет параллели в памятниках второй половины I тыс. н. э., в частности различный способ помещения остатков кремации в одной насыпи (см. погребения 20, 22 и 23) (Т. 1: 131–136), достаточно большой процент урновых захоронений, а также бедность погребального инвентаря, не считая керамики. Кстати, керамика, на наш взгляд, выступает не всегда как сопровождающий инвентарь, а скорее как черта самого ритуала: урна — это вместилище для праха, а сосуды в обломках могли являться результатом обрядовых действий (разбивание сосудов во время тризны). В целом же вывод о том, что основу населения первоначального города составили потомки носителей культуры длинных курганов, представляется вполне вероятным (Т. 1: 88). Судя по датировке погребений, могильник относится ко времени исчезновения культуры длинных курганов и смены обряда трупосожжения трупоположением.

В свое время один из авторов данной рецензии пытался продемонстрировать некоторые конкретные свидетельства перехода от одного обряда к другому на материалах могильника Безьва в бассейне р. Желчи в восточном Причудье. Это достаточно компактный микрорегион, в котором известны погребальные памятники от ранней стадии культуры длинных курганов вплоть до жалыников XIII–XIV вв. В период перехода от кремации к ингумации не было какого-либо заметного притока нового населения и культурные изменения происходили внутри небольшого постоянно живущего коллектива. На материалах раскопок могильника Безьва удалось показать, что насыпи культуры длинных курганов стали использоваться для впускных захоронений по обряду ингумации в XI–XII вв., что косвенно доказывает, что население в древнерусское время воспринимало могильники культуры длинных курганов как свои родовые кладбища (Хвощинская 1997: 123–137).

В псковском некрополе зафиксировано девять трупоположений, шесть — в погребальных ямах, три из которых, по мнению исследователей, являются камерами. Ингумации не составляют единой компактной группы, а встречаются в разных частях могильника. Возможно, из них два захоронения № 5 и 71 были как-то связаны с курганами, в которых ранее были помещены остатки кремации. На плане В. М. Горюновой, составленном для распределения керамических форм разных хронологических пластов, погр. № 5, 8, 13 объединены контурами одного кургана. Судя по их описанию в каталоге, основным захоронением было детское трупосожжение № 8 в урне в ямке под насыпью (Т. 1: 121–122). К этому же кургану, видимо, относилось погр. № 13, обнаруженное в песке под погребенным дерном, перекрывавшим насыпь (Т. 1: 125), а в полу кургана было впущено еще одно детское захоронение, но уже по обряду трупоположения (Т. 1: 119, 120). Сочетание погребений с разным характером погребального обряда в одной насыпи перекликается с той ситуацией, которая была нами зафиксирована в бассейне р. Желчи.

Несомненный интерес представляет погребальный инвентарь захоронений псковского городского некрополя. При его анализе использовался не только материал, «соотносимый авторами научных отчетов с конкретными захоронениями (собственно погребальный инвентарь), но и предметы, происходящие из

разрушенных погребений и обнаруженные в переотложенном состоянии в нижних слоях культурных напластований на территории исследуемого памятника» (Т. 1: 70). Последняя группа вещей отбиралась особо тщательным образом с учетом стратиграфии, места обнаружения и хронологии. Нельзя не согласиться с Н. Н. Малышевой, что, несмотря на малочисленность погребального инвентаря в целом, выделяется группа погребений, связанная с более зажиточной городской средой. Среди сопровождающих вещей встречаются как предметы широко распространенных североевропейских типов, которые могли использоваться не только скандинавами (оружие, пряжки, наконечники ремня, гребни и др.), так и изделия, связанные с собственно скандинавской культурой, например, с типом одежды (парные женские овальные фибулы, кольцевидные булавки для скалывания мужского плаща) или культовые предметы: набор амулетов из погр. № 57, гривны с молоточками Тора и отдельные привески-молоточки. Известно, что вещи скандинавских типов частично делались непосредственно на территории Древней Руси. Тому пример находки в Гнёздово и на Рюриковом городище (глиняные формочки с оттиском скандинавских украшений, неудачные отливки, вещи, используемые в качестве моделей, и др.). Судя по всему, во Пскове тоже были свои мастера, которые изготавливали изделия по скандинавским образцам. По мнению Т. А. Пушкиной, дугообразная фибула из захоронения 15 «не имеет точных аналогий и производит впечатление неумело сделанной вещи» (Т. 1: 75). Интересно, что прекрасный экземпляр кольцевидной булавки с классической иглой, уплощенной и орнаментированной к острию из погр. № 46, по оформлению кольца также не имеет прямых аналогий в Скандинавии (Т. 1: 242, табл. XXVIII, 1). Скорее всего, эти изделия сделаны местными ремесленниками по мотивам североевропейских древностей, но со своеобразными чертами, подчеркивая индивидуальность мастера. Касаясь скандинавских находок, надо отметить, что один предмет авторами раскопок и интерпретаторами оказался не опознанным. Это изделие из захоронения 17 и обозначено как рамка бронзовой пряжки (Т. 1: 225, табл. XI, 4). В действительности это кольцо еще одной обыкновенной кольцевидной булавки (на табл. XI, 4 она расположена правильно, а на табл. LVII, 3 — неверно). Перемычка предназначена для крепления иглы. Булавки с такими простыми кольцами преобладают на поселениях в Швеции. Встречаются они и на памятниках Восточной Европы (в Ладоге, Гнёздове, на Рюриковом городище). Это застежки являлись «дешевым» вариантом широко распространенного типа украшений.

К числу удачных решений коллектива рецензируемой работы было привлечение в состав авторов В. М. Горюновой, одного из ведущих отечественных специалистов по лепной и раннегончарной посуде Северной Руси — знатока керамики Новгорода, Рюрикова городища, Ладоги. В результате керамический материал был детально проанализирован, сделаны важные наблюдения об особенностях комплекса посуды псковского некрополя.

Второй том, довольно объемистый, представляет детальное издание восьми камерных захоронений, исследованных в начале 2000-х гг. на Старовознесенской возвышенности. Если говорить о древней топографии Пскова, то курганы с камерными захоронениями находились в 1,5 км от древнего псковского городища, расположенного при слиянии рек Псковы и Великой, и примерно в 1 км от средневекового городского кладбища, охарактеризованного в первом томе издания. Исследователи считают, что данный некрополь располагался у магистральной

дороги, которая вела из Пскова на юг (Т. 2: 11) и, в частности, к древнейшей переправе через р. Великую в районе д. Выбуты. Многовековая устная традиция связывает это селение с княгиней Ольгой.

Том предваряется историко-топографическим очерком (авт. Е. А. Яковлева); *первая часть* посвящена собственно изданию полевой документации с каталогами вещей (статьи по отдельным погребениям написаны авторами раскопок по единому принципу); во *вторую часть* вошли исследовательские статьи по отдельным деталям погребального обряда и по определенным категориям сопровождающего инвентаря; в *третьей части* отражены результаты изучения естественно-научными методами материалов камерных погребений.

Е. А. Яковлева, оценивая топографическую обособленность и сконцентрированность камерных захоронений в Пскове, справедливо отмечает, что этим данный погребальный комплекс отличается от известных могильников с камерными погребениями как на территории Древней Руси, так и Скандинавии, где камеры, как правило, расположены среди других по обряду захоронений (Т. 2: 25). Здесь же могильник, состоявший из одних камерных погребений, как бы противопоставлен синхронному ему городскому некрополю, где, кстати, зафиксировано три камерных погребения, расположенных в разных местах среди захоронений других типов и, по сравнению с погребениями Старовознесенского могильника, отличались в целом бедностью погребального инвентаря. В свою очередь характер сопровождающего инвентаря в Старовознесенском некрополе свидетельствует, что этот могильник был оставлен элитарной частью раннесредневекового населения Пскова. Богатство захоронений превосходит все ожидания и поражает воображение. Даже в разграбленных еще в древности могилах сохранились предметы и украшения или их фрагменты, свидетельствующие о роскошном убранстве костюма погребенного и богатых дарах, помещенных в могилу. В состав погребального инвентаря входят золотые и серебряные украшения, многие из которых представляют редкие изысканные вещи, фрагменты шелковых тканей, золотные нити и пр. Погребения сопровождалась ларцами, ведрами, деревянной посудой с серебряными и металлическими оковками.

Следует обратить внимание, что детские камерные захоронения (№ 5 — мальчик 11–12 лет; № 7 — девочка от 3 до 7/8 лет) по богатству инвентаря ничем не уступают взрослым захоронениям, а погребение девочки, может быть, даже превосходило отдельные захоронения взрослых. Данный факт является еще одним подтверждением особого социально-культурного статуса людей, оставивших Старовознесенский некрополь, и показывает исключительное богатство семьи, в которой родилась похороненная девочка. Чтобы не быть голословными, перечислим незначительную часть предметов, которые сопровождали ее в последний путь: очелье, обшитое златотканой тесьмой с золотым кольцом, еще одно золотое кольцо с бусиной, серебряные браслет и фибула, деревянная чаша с серебряными черненными оковками, ларец, украшенный разноцветными стеклянными пластинами, весы и т. д. (Т. 2: 314–322). Судя по материалам рядовых древнерусских могильников, а также этнографическим данным, дети и старые люди, как правило, сопровождались более скромным погребальным инвентарем, нежели мужчины и женщины в расцвете сил, что было обусловлено их социальным положением. К. А. Михайлов, специально изучавший материалы камерных захоронений на территории Восточной Европы,

также подчеркивал богатство камерных детских погребений, исследованных в могильниках Киева, Шестовицы и Тимерёва. По его мнению, поскольку дети сами по себе никакого статуса еще не достигли, они получают набор взрослого погребального инвентаря как бы «авансом», в силу того положения, которое занимает род погребенного в обществе (Михайлов 2016: 170). В связи с этим отметим еще один интересный факт. В обоих детских погребениях среди погребального инвентаря найдены весы. В археологической литературе уже давно доказано, что нельзя примитивно интерпретировать захоронения с весами и гирьками как погребения купцов (Пушкина 1991: 233–234). Детские погребения в Старовознесенском некрополе тому еще одно подтверждение. Несомненно, ни мальчик, ни девочка купцами не были. Можно предположить, что весы положили к ним в могилу как символ социальной значимости рода. При интерпретации статуса погребенных в камерных гробницах в свое время А. С. Грэслунд высказала мнение о том, что в камерах хоронили не просто княжеских дружинников, а скандинавов (воинов и купцов), занимавшихся международной торговлей, и членов их семей (Gräslund 1980: 79–82, 86), в русской литературе ее мнение поддержал Ю. Э. Жарнов (Жарнов 1991: 217–218). С большим основанием можно предполагать, что дети происходили из купеческих семей, поэтому их сопровождали весами в качестве символа родовых занятий.

По данным антропологических определений и характеру сопровождающего инвентаря в срубных гробницах Пскова были похоронены четыре женщины, два мужчины, два мальчика (один сопровождал погребение мужчины и находился вне стен камеры) и одна девочка. Ясно, что изученные восемь камер — это только какая-то небольшая часть погребального комплекса. Тем не менее подобная случайная выборка показывает, что Старовознесенский некрополь является кладбищем богатых семей, входивших в элитарную часть местного общества. Вполне логично предположить, что эта группа древних псковичей входила в состав ближайшего княжеского окружения и социально и территориально обособлена от простых псковичей. И тогда встает вопрос: а где во времена Ольги находился княжеский двор в Пскове?

Важные результаты достигнуты псковскими археологами в изучении устройств камер и самого погребального места. Раскопки, проведенные на современном научном уровне с привлечением полного арсенала естественно-научных методов, техническая оснащенность экспедиции позволили в значительной степени пополнить наши знания о деталях погребальной обрядности как в сооружении погребальной конструкции, так в организации ее внутреннего пространства. Хотя сохранность камер была различна, удалось установить, что в обширную по размерам яму впускали срубы, имевшие пол и потолок (см. статью Е. А. Яковлевой — Т. 2: 484–505). Но наиболее интересными являются наблюдения, сделанные над особенностями размещения погребенных в пространстве погребального сооружения: женщина в камерном погр. № 1, судя по характеру расположения костей, полусидела на возвышении; в камере № 3 удалось реконструировать деревянное ложе-кровать; мальчик, сопровождавший захоронение мужчины в камере № 4, был помещен в лодку (бревна пола были выдвинуты за пределы сруба и на них поставлена лодка-долбенка); а девочка в камере № 7 лежала в сундуке. Такое разнообразие в размещении тела умершего вполне вписывается в камерный погребальный обряд на территории собственно Скандинавии, где помимо упомянутых вариантов гробовищами могли служить не только сундуки, но и кузова небольших повозок, и одиночные сани (Gräslund 1980: 149–153).

Нельзя не подчеркнуть, что благодаря тщательности полевых изысканий были реконструированы деревянные предметы, уже почти истлевшие (например, блюда, на одном из которых находились куриные кости; лодка-долбленка и пр.). Успешно проведенные рентгенограммы позволили до расчистки определить расположение многих хрупких предметов, тем самым обеспечить им сохранность и четко зафиксировать их взаиморасположение, что чрезвычайно важно для последующей реконструкции, особенно, например, деталей костюма.

Вторая часть тома состоит из 11 статей, в которых проводится научно-исследовательский анализ полученных раскопками материалов.

Реконструкция одежды на материалах археологии — один из наиболее сложных и спорных вопросов. Текстиль в погребениях сохраняется, как правило, очень плохо, часто — фрагментарно. Для восстановления одежды нужны определенные ключевые детали костюма (окантовка ворота, рукавов, подола; швы, разрезы и пр.). Иногда даже крупные куски тканей без определяющих элементов трудно идентифицировать с конкретными частями одежды. В свою очередь ношение металлических элементов часто можно трактовать по-разному, а поэтому реконструкция одежды носит гипотетический характер. Только в редких случаях исследователи получают в руки материалы, которые позволяют достоверно восстановить важные узловые элементы древнего костюма. Именно такая удача выпала на долю псковских археологов. Скандинавские исследователи много сделали для реконструкции женского костюма начала II тыс. н. э., однако некоторые детали до сих пор требуют уточнения. В этой связи особое значение приобретает находка из камерного погр. № 3, где в качестве сопровождающего инвентаря в берестяном коробе находился комплект женской одежды, в который были завернуты две скорлупообразные фибулы (Т. 2: 136, 137). Следует особо отметить скрупулезную работу Е. А. Зубковой и О. В. Орфинской по анализу и реставрации, проведенную на высоком научном уровне с применением современных методик исследования тканей (Т. 2: 374–379, 389, 390). В результате мы получили достоверные сведения о двух изделиях, составляющих «запасной» костюм погребенной (рубаха и верхняя сарафанообразная одежда с бретелями). Исследователи не только предложили общую реконструкцию костюма, но и в деталях описали технологический процесс ее пошива, а также дали полную характеристику роскошных редких византийских шелковых тканей с узором, которые были использованы при отделке сарафанообразного одеяния.

Вторая важная находка была связана уже с мужским костюмом в камерном погр. № 6, где удалось обнаружить крупные фрагменты тканей от двух комплектов однотипной верхней одежды, застегивающейся на грибовидные пуговицы. Один костюм находился на погребенном, а второй лежал в качестве «сменной» одежды около стены камеры. По материалам этого погребения достаточно определенно восстанавливается западная одежда типа кафтана с поперечными шелковыми галунами. Количество пуговиц соответствовало количеству галунов на кафтане (Т. 2: 379–381). Исследовательницы в деталях проследили систему застежек. Во втором томе данному сюжету посвящена еще одна статья — К. А. Михайлова, который рассматривает мужской костюм из псковского некрополя на широком фоне ранне-средневековых европейских аналогий, привлекая при этом многочисленный изобразительный материал (Т. 2: 415–427). Одним из наиболее дискуссионных вопросов является вопрос о происхождении древнерусского кафтана. Не секрет, что

кафтан как одежда возник в кочевнической среде, однако, изучив особенности кроя верхней одежды у различных групп кочевников, автор пришел к определенному выводу, что на территории Древней Руси данный тип одежды появился опосредованно, через Византию и Болгарию (Т. 2: 423–427). Взяв за основу «всаднический кафтан», византийцы видоизменили его, придав ему элегантность. И этот, уже «измененный вариант кафтана X в., возможно, в его византийском исполнении, и был воспринят в Древней Руси, а впоследствии попал в Бирку» (Т. 2: 427). Судя по археологическим находкам, на Руси он распространился с середины — второй половины X в. (Там же).

В нескольких статьях второй части второго тома рассматриваются конкретные категории погребального инвентаря (керамика, оружие, торговый инвентарь, изделия из стекла и янтаря) и отдельные уникальные предметы. К последним, в частности, относятся серебряная трапецевидная подвеска и расписная доска из погребальной камеры № 6. Подвеска представляет собой редкий экземпляр с изображениями, выполненными в технике черни. На одной стороне подвески находился родовой знак Рюриковичей — двузубец, между отрогами которого изображен ключ, а на другой стороне помещено схематичное изображение хищной птицы, голова которой увенчана крестом. В своей статье Т. Е. Ершова и А. В. Яковлева подробно рассматривают данную подвеску в контексте находок подвесок с двузубцами и монет, имитирующих дирхемы с изображениями птиц, разбирают семантику отдельных деталей и приводят мнение широкого круга исследователей по интересующим сюжетам (Т. 2: 395–414). Авторы датируют подвеску около 951–961 гг. и полагают, что «птица с крестом» могла быть изобразительным символом княгини Ольги в период ее «регентства» после 945 г. (Т. 2: 412). Мужчина, погребенный в камере № 6, видимо, являлся представителем княжеской власти и ему были делегированы определенные полномочия. Конечно, интерпретация знаков и изображений, как правило, выходит за рамки строго научных взглядов, и в ней всегда есть элемент красивой фантазии, но сама вещь достойна этого.

Второй предмет из этого же погребального комплекса не менее интересен, тем более он воссоздан буквально из ничего (см.: Н. М. Ткачева. Т. 2: 428–440). На стол в лабораторию была принесена вырезка грунта со дна могильной ямы, представлявшая собой «песчано-органический конгломерат неправильной формы». «На поверхности монолита прослеживался древесный тлен, местами на его поверхности и на песке <...> просматривались отдельные небольшие участки полихромии». «Древесная основа в процессе тысячелетнего пребывания в условиях влажного грунта истончилась настолько, что толщина ее не достигала и 1 мм» (Т. 2: 428). Благодаря поистине ювелирной работе реставраторов удалось выявить и сохранить фрагмент изображения, выполненного на деревянной основе в технике темперной живописи. Ошеломляюще выглядит расшифровка самого живописного сюжета. По мнению автора статьи, восстановленное изображение можно реконструировать как часть христорогаммы (монограмма Иисуса Христа) — одного из самых ранних символов христианства, который появился в период правления императора Константина Великого (306–337 гг.). Если это так, то данная находка вместе с находками свечей и крестиков, представляющими христианские символы в некрополе, свидетельствует, что люди, похороненные еще по языческому обряду в камерах, идеологически находились на пути к христианской вере. Такой дуализм, видимо, был неизбежен в переходный период от язычества к христианству. Рассматривая художественные

традиции живописного стиля на сохранившейся части псковской доски, Н. М. Ткачева делает вывод, что наиболее близкие аналогии можно найти в скандинавском искусстве (Т. 2: 437, 440). С. А. Салмин в статье, посвященной оружию, высказал предположение, что фрагмент расписной доски из погр. № 6 мог быть остатками щита (Т. 2: 472).

При подробном изучении бус из погр. № 1 и 7 Старовознесенского могильника Я. В. Френкель сделал вывод, что хронологически они укладываются в последнюю четверть X в., то есть соотносятся с последними погребениями Бирки. В свою очередь сам набор стеклянных бус («по внешним характеристикам довольно скромный и невыразительный») с сопутствующими им украшениями связан «именно с Северной Европой (а не с североευропейскими чертами древнерусской элитарной субкультуры)» (Т. 2: 458, 459). Также по многочисленным однотипным украшениям псковский некрополь сопоставим с погребениями Киевского и Гнёздовского могильников и, в меньшей степени, с Шестовицкими и Тимерёвскими камерными захоронениями. Одним словом, насколько можно понять автора, в псковском некрополе, как в Киеве и Гнёздове, в наиболее чистом виде проявляются собственно скандинавские черты.

Третья часть второго тома посвящена естественно-научным исследованиям материалов из погребений Старовознесенского могильника. Здесь представлены статьи, касающиеся химического состава металла и техники изготовления украшений и бытовых предметов (Н. В. Ениосова); антропологического изучения костных останков (Д. В. Пежемский); геолого-геоморфологических и палеоландшафтных особенностей территории и окрестностей могильника (О. М. Татарникова, Е. А. Яковлева); дендрохронологического анализа (М. И. Кулакова) и археоботанического исследования (А. А. Гольева).

Для общих выводов интересны наблюдения, сделанные Н. В. Ениосовой и Д. В. Пежемским. Подробно рассмотрев химический состав и технику изготовления изделий некрополя, Н. В. Ениосова отмечает разнообразие сплавов в псковской выборке, которое «отражает разнообразие технологий и технологических приемов» при изготовлении вещей (Т. 2: 557). Прежде всего, достаточно значительная серия различных типов украшений по технике изготовления и набору декоративных приемов выполнена в скандинавской производственной традиции. Среди скандинавского круга древностей автор выделяет отдельные предметы (круглую фибулу и подвески-личины), которые «по морфологическим и стилистическим признакам отличались от украшений, известных в Скандинавии и на территории Древней Руси», и предполагает, что они сделаны готландскими мастерами, видимо, по специальному заказу (Т. 2: 557, 558). Будучи тонким знатоком скандинавских древностей на пространстве всей территории Европы и сравнивая между собой различные группы памятников, Н. В. Ениосова приходит к тому же выводу, что и Я. В. Френкель, — «по составу находок комплексы камер Старовознесенского некрополя более схожи с аристократическими погребениями Киева и Гнёздова третьей четверти X — начала XI в.» (Т. 2: 558). Это сходство прослеживается также в присутствии в них украшений славянских мастеров, выполненных в технике зерни и скани. Как показывают материалы последних исследований, их могли делать и в Верхнем Поднепровье (Там же). Кроме того, третьей общей чертой камерных погребений Верхнего, Среднего Поднепровья и Пскова является «наличие „восточных“

вещей, причем в их число входят поясные накладки из Волжской Болгарии или Прикамья, прикамские кресала, а также пуговицы и серебряные оправы деревянных ковшей, имеющие параллели в кочевнических древностях Юга Восточной Европы» (Там же).

Последнее, на что мы хотим обратить внимание, — выводы Д. В. Пежемского относительного антропологического типа похороненных в псковском некрополе людей. Несмотря на плохую сохранность костного материала, автору удалось сделать интересные наблюдения. По материалам захоронений восстанавливаются женщины с массивной скелетной системой и черепом (Т. 2: 566). После длительной реставрации удалось подробно изучить череп из богатейшего погр. № 1 и сделать пластическую реконструкцию внешнего облика женщины с крупными чертами лица (Т. 2: 567). Как отмечает Д. В. Пежемский, некоторые исследователи, в частности С. Л. Санкина, склонны интерпретировать данный антропологический тип как «скандинавский» (Т. 2: 568). Однако его собственные изыскания привели к выводу, что морфологические особенности черепа из камерного погр. № 1 имеют сходство не только с черепами с территории Швеции, но с материалами, полученными при исследовании некоторых погребальных памятников Северо-Запада России и Прибалтики. На основе современных палеоантропологических разработок Д. В. Пежемский делает вывод, что физическое сходство черепов связано с тем, что данный антропологический тип сформировался на основе древнего расового пласта, распространенного в Северной Европе и на севере Восточной Европы еще в эпоху бронзы (Т. 2: 574, 575).

Подводя итоги, можно сделать некоторые заключения. В настоящее время нам кажется, что крайне значимые открытия псковских археологов и уровень проведенных исследовательских работ оказались пока еще не до конца оценены в научной среде. В черте современного города в результате в основном охранных раскопок выявлено два одновременных могильника, один из которых являлся рядовым кладбищем средневековых горожан, а другой был оставлен обособленной, достаточно состоятельной общиной, этнически близкой скандинавской культуре. Основываясь на выводах Я. В. Френкеля и Н. В. Ениосовой, по составу и характеру украшений псковские камерные гробницы составляют единый ряд с камерами Верхнего и Среднего Поднепровья.

Входящие в погребальный инвентарь вещи европейского уровня, имеющие широкий диапазон происхождения (от Северной Европы до Востока и Византии), говорят о дальних международных связях. А учитывая, что из восьми погребений в пяти имелся торговый инвентарь, предположение С. Грэслунд, что в камерах хоронили скандинавов (воинов и купцов), занимавшихся международной торговлей, и членов их семей, для псковского некрополя выглядит вполне правдоподобно. Следует также отметить, что в материальной культуре этой общины чрезвычайно сильно прослеживается влияние Византии. Неслучайно, несмотря на языческий обряд, в захоронениях встречаются очевидные символы христианства: три крестика (две подвески, один нашивной) и христограмма на доске. Для восьми захоронений это довольно значительный процент вещей, связанных с христианской символикой, учитывая, что половина погребений была разграблена и комплект погребального инвентаря дошел до нас не полностью. Кстати, в пользу христианизации данной группы населения говорит и сам обряд ингумации.

Поскольку погребения в камерах составляют компактную группу и среди них нет других типов захоронений, мы считаем, что данная община была несколько обособлена, но она жила среди славянского населения Пскова, и в ее повседневной материальной культуре это не могло не отразиться. Так, керамика в камерных захоронениях ничем не отличается от форм сосудов городского псковского некрополя. Е. А. Яковлева усматривает в устройстве гробниц черты русского домостроительства (Т. 2: 502). Несомненно, люди, оставившие этот могильник, пользовались услугами местного населения. К. А. Михайлов, изучая следы грабителей, пришел к выводу, что разграбления произошли в древности, «вскоре после сооружения; тела и костюм погребенных еще не успели разрушиться» (Т. 2: 511, 512). Думается, что, глядя на пышные похороны, бедное местное население и грабило эти набитые сокровищами гробницы.

Литература

Жарнов 1991 — Жарнов Ю. Э. Женские скандинавские погребения в Гнёздове // Авдусин Д. А. (ред.). Смоленск и Гнёздово. М.: Изд-во МГУ, 1991. С. 200–225.

Михайлов 2016 — Михайлов К. А. Элитарный погребальный обряд Древней Руси. СПб.: Дом Бранко, 2016. 271 с.

Пушкина 1991 — Пушкина Т. А. Торговый инвентарь из курганов Смоленского Поднепровья // Авдусин Д. А. (ред.). Смоленск и Гнёздово. М.: Изд-во МГУ, 1991. С. 226–243.

Хвощинская 1997 — Хвощинская Н. В. К вопросу формирования древнерусской культуры на западе Новгородской земли // Кирпичников А. Н., Рябинин Е. А., Сакса А. И. (ред.). Славяне и финно-угры. Археология, история, культура: Доклады российско-финляндского симпозиума по вопросам археологии. СПб.: Дмитрий Буланин, 1997. С. 123–138.

Gräslund 1980 — Gräslund A.-S. The Burial Customs. A study of the graves on Björkö. Stockholm: Kungl. Vitterhets Historie och Anticvitets Akademien, 1980. 94 p. (Birka IV).